

Семен Бабин

Кандидат экономических наук.
В Израиле с 1991 года. Печатается
в литературно-художественных
изданиях. Автор стихотворных
сборников «Я не умею жить»,
«Живу, как есть». Член Союза
писателей Израиля.

Лирические стихи

Неизбранная дорога

*По Роберту Фросту
(вольный перевод)*

По осени лес рыжий занемог.
Листва пожухлая моих касалась ног,
когда в коварной осени ловушке
стоял я на желтеющей опушке.

Студёный воздух в лёгкие вбирая,
стоял я у развилки двух дорог,
мучительно дорогу выбирая,
и выбор сделать, хоть убей, не мог.

Ведь выбирал я с явной неохотой.
Глазами пробежал до поворота.
Одна из них затоптанной была –
по ней, видать, немало походили:
изрядно здесь за годы наследили..

А вот другая тронута едва:
мох не примят, ещё жива трава.
От выбора кружилась голова.

Из двух лесных запутанных дорог
ни ту не выбрал я, ни эту –
невольный выбор не с руки поэту.
Подальше от протоптанных дорог!

Судьбы своей разменную монету
от выбора случайного сберёг.

Смелое сравнение

Порою близнецы не так похожи,
как Бабин с Фростом,
отнюдь не ростом и не рожей,
и не масштабностью идей –
строки осенней нервной дрожью,
поэты милостию божьей,
и оба осени подранки –
русскоязычный иудей
и Роберт Фрост – поэт из «янки».

Читая Р. Киплинга

Если в с ума сошедшем мире
ты можешь не сойти с ума,
быть преданным себе и лире,
в ладу с людьми и Богом жить,
и с королями запросто дружить,

не брезгуя простолудином.
 Как истинным положено мужчинам,
 победу или поражение
 встречать всего-то,
 как финал сраженья,
 и не боле,
 и, корчась от жестокой боли,
 когда последние иссякли силы,
 когда ни шевельнуться, ни дышать,
 заставить можешь
 сердце, нервы, жилы
 на голой воле голову держать,

и всё, что нажил, без остатка
 безжалостно собрать в охапку
 и всё на кон поставить,
 всё проиграть и всё начать с нуля,
 ни выдохом, ни взглядом не моля
 по случаю потери,
 мужчиной ощутив себя,
 мужчиной в полной мере.

И можешь беспощадную минуту
 секунд шестью десятками наполнить:
 на гору дальнюю рвануть,
 на мир взбесившийся взглянуть,
 тобой взята вершина,
 и шар земной
 со всем, что есть на нём,
 с минуты этой – твой,
 и, что всего важнее, мальчик мой,
 без всяких «но» и «если»
 ты – мужчина!

Если

Вслед за Киплингом

Поэт-романтик,
 приключений жадный,
 на нить не упоая Ариадны,
 ты сам из лабиринта ищешь путь,
 «там-там» тебе милее,
 чем литавры –
 я уважаю выбор твой.
 Избегнуть схватки роковой
 ни повода не ищешь, ни причины –
 ты, как Тесей, сильнее Минотавра,
 и, что всего важнее, мальчик мой,
 без всяких «но» и «если»
 ты – мужчина!

Зима в Израиле

★ ★ ★

Зима в Израиле
 мне осень позднюю
 напомнила России:
 такие же дожди косые,
 такая же унылая тоска...
 И бьётся жилка у виска,
 витают мысли где-то далеко,
 и душу гложет смутная тревога,
 и, как ни странно, пишется легко...
 и много.

★ ★ ★

Дождит.
 Так вечера уныло одинаковы,
 что в пору
 разразиться амфибрахией,
 но тянет почему-то на хорей...

Не потому ли,
 что простуженная улица
избавившись на время от людей,
кукожится, чихает и сутулится,
и графикой причудливою
 в лужицах
хромые силуэты фонарей?...
Зима в Израиле. Зима...
 Сезон дождей.

★ ★ ★

От воскресенья до субботы
дождь – отмывание грехов...
Ни настроения, ни работы,
лишь пять стихов
на пять страничек
под перестук дождя легли –
дожди, нас в чём-то ограничив,
стихам случиться помогли.

★ ★ ★

Зима. Декабрь. Вроде бы сочельник.
Но, аромата хвои вместо,
здесь пончиков воздушных тесто
нам ноздри сладостно дразнит –
ближневосточный колорит:
здесь туя заменяет ельник,
и ритуальный семисвечник
семь дней на Хануку горит.
Зима в Израиле. Декабрь.
Ни снега белого, ни хвои,
но Новый год не за горою.
Предновогодние заботы...
Пейсатых клейзмеров оркестр
готовит инструмент и ноты...
встречать Сильвестр.

★ ★ ★

Я с летом расстаюсь легко –
так пекло летнее достало!..
До осени уже осталось мало,
до осени уже недалеко.
И, этим обстоятельством доволен,
кончине лета я безумно рад –
ведь осенью богат я и фриволен,
весь в золотом от головы до пят.
С поэтом осень
 в нежных отношениях:
вкушаю воздух вкуса сыроежки,
любуюсь неба чистою лазурью
и маюсь поэтической дурью...
Что горевать о лете, в самом деле?!
По осени такая лёгкость в теле!
Мну мшистые упругие постели,
пишу стихов осенние постели.
Контрасты лета глазу надоели,
и темперу заменяют акварели,
прозрачные осенние постели:
закаты золотисты и румяны,
околицы просторны и пространны,
пьянящий запах сена и шафрана,
о, долгожданной осени нирвана!
Поэту ты немыслимо желанна.
Мне лета отгоревшего не жаль,
Мне осени милее пастораль.
Ах, осени прозрачной пасторали!
Кому какое дело до морали?
И что мы там,
 в блокноте, намарали?!
В лугах цветистых пастушки напели
сюжеты, что легли в мои постели.
Недаром с летом расстаюсь легко,
без грусти и, тем более, печали,
в осенней растворяюсь пасторали.

До осени уже недалеко –
вот по небу мурашки побежали!..

Миражи

Фотографируешь цветы
и нежно шепчешь им: - Цветите! –
Где только что стояла ты,
вдруг проступает Нефертити...
Ах, миражи, ах, миражи!
Причуды Ближнего Востока...
Здесь ворожи, не ворожи,
а солнце местное жестоко.
Непредсказуем сам Восток,
хоть прозывается он Ближним:
гостеприимен и жесток
под беспощадным солнцем рыжим -
подобострастно пятки лижет
его податливый песок,
вдруг на шампур тебя нанижет,
хамсином выстрелив в висок.
И климат Ближнего Востока
жесток и так невыносим,
когда сменяется сирокко
вдруг на удушливый хамсин...
А левантийская ментальность!?...
Неспешность, лень,
покой, вальяжность,
бардак и балаган, бедлам –
так чужды, непонятны нам...
Смешались в кучу зимы, лета,
цвета, наречья и цветы.
Здесь море слёз и море света,
уродства смесь и красоты!..
И море злобы, море лжи,
и миражи, и миражи...

★ ★ ★

Ниже уровня Мёртвого моря
очень сложно, но можно упасть -
если совесть с мозгами в раздоре:
признаёшь только деньги и власть,
предал друга, не ведал любви
и не читил ни отца и ни мать,
море слёз, море крови и горя
ниже уровня Мёртвого моря –
и в него ты рискуешь упасть!..

★ ★ ★

Горы, СПА, кипарисы, оливы,
море Мёртвое, мы еле живы –
отдыхаем почти неделю
в пятизвёздочном супер-отеле.
И душа не вмещается в теле –
распирает её от восторга –
как же надо для счастья немного,
как на самом деле немного:
жить недельку за пазухой Бога!

★ ★ ★

Мёртвое море. Лежу на спине,
звёзды с небес улыбаются мне,
жёлтые звёзды, звёзды печали
море и нас в этот вечер качали –
Рош-а-Шана, как и мы, отмечали...
Воду покинув, спешили к фуршету
дворник и врач,

музыканты, поэты...

Тосты и песни на пляже звучали,
море и звёзды нам тихо внимали,
звёзды молчали, но всё понимали:
вечер любви. Никаких аномалий.

И Галь /Фире Хазан/

На книгу «Я не случайна в этом мире»

Поэзия – не звучных рифм набор,
а где «температурит рыжий бор,
прибой волною берег оверлочит»,
где сердце и аорта кровоточат,
из сердца и аорты киноварь
строкой на белый лист ложится...
Две тысячи двенадцатый январь
листает твои белые страницы...
Прочёл и я, позволю восхититься:

в тебе с лихвой и дерзости, и дара,
и в меру охры, цинковых белил,
к тому же, терпкий запах скипидара
пикантности в твои стихи подлил,
на миг какой-то пригласил
в святая всех святых –
Поэта мастерскую,
где на мольберте
проступает новый стих.
Порой и я стихи писать рискую.
Твой не читаю – я его смакую!

«Контраст бумаги и руки» -
поэзия твоя – дитя каприза.
Размытость нарочитая строки
не требует затеи и эскиза.
Из полусвета, полутени,
предчувствий, зыбких сновидений,
пера, чернил, полутонов и полулени,
покинув явь, отринув даль,
самой Евтерпе на колени
полуприсела Фира Галь!..

Талантливым Евтерпа благовОлит.
Её любимцем мог бы быть и я...

Тебе, похоже, Небо «камертонит» -
в жестоком мире войн и какофоний,
ты – автор поэтических симфоний
в «амфитеатре» сером бытия!

Мне дороги намёки-недомолвки
размытой нешлифованной строки –
ведь в них живут Поэзии осколки
и кисти гениальные мазки!
Энергии, фантомов странных сгусток,
«на крыльях лирих» высоко паришь,
в жестоком и безумном мире
Поэзии высокое Искусство,
озорничая, как игру творишь.
И цельна, и полна противоречий –
паришь выСОко, низко пав, бредёшь,
и музыкой высокой чистой речи
в Поэзии гармонию блюдёшь.
Ты – «мысль и суть иного измерения,
твой мир велик, и память велика»,
несёшь печать великого даренья.
О том твоя размытая строка.

Растворена (читай: раскрыта)
в размахе крыл
волшебной сирин-птицы,
как чудо нецелованной страницы,
которую тебе и целовать.
Взлетаешь, падаешь опять...
Растворена
(читай: воскресла, воспарила)
над тем, что не было,
над тем, что больно было...
над тем, что будет, предстоит парить –
ты явно не случайна в этом мире –
так многое твоей подвластно лире,
дай Бог, здоровой и любимой быть,
самой любить
и счастливо Поэзию творить!

Кларе Златиной*/по случаю юбилея/*

Петля, накид, петля, накид.
Глубокая затяжка сигареты...
Загадочный и отрешённый вид –
Господь избрал тебя в поэты.
Петля, накид, петля, накид...
И в этой бесконечной вязи
вдруг узелками проступают связи
дат, имён, событий...
И, кстати, пару слов о быте:
обыденным, бездарным бытом
ты «в усмерть», Кларочка, избита,
но ты, как истинный поэт,
была всегда вне будничного быта,
как персонажи чудные Шагала
над черепицей крыш витала,
ты и сейчас паришь
над бытом черепичных крыш
и чудную поэзию творишь:
за ниткой нитку
тянешь из клубка воспоминаний,
и вяжется талантливо строка
без знаков препинаний...

Вязанье, кстати, ни при чём,
но в нём «так много ни о чём»...

Петля, накид, петля, накид,
дым бесконечной сигареты...
И вяжут, вяжут спицы,
что было, есть и что случится
в судьбе поэта...
В клубках вязанья,
в сизых клубках дыма,
чудна, тонка, рассеянна, ранима,
поэт по сути – не по званию,

ты – прима, Златина,
ты – неповторима!
Я как-то обозвал тебя «чума».
Эх, нам бы так уметь
«сходить с ума»,
да не по чину, не по летам –
Господь избрал тебя в поэты.

Как завещал Каплан: - Дыши! –
Будь счастлива, поэт, пиши!
Стихов твоих затейливая вязь –
поэзия талантливой души!

Р. С.
Такого уровня поэту
мыть не пристало туалеты.

Слушая Шопена

Как ключ скрипичный,
изгибался пианист,
и звук волшебный извлекался,
высок и чист.
Касался потолка и стен,
сердеч касался...
Звучал Шопен!

И, раздвигая Время и Пространство,
звучала музыка любви и странствий –
звучал Шопен!..
И голос, обращённый в зал,
за музыкой и за Шопеном звал,
взывая к чувствам.
И зал внимал и не дышал,
заброжен Искусством!

С роялем музыкант сливался
и в ключ скрипичный изгибался,
он клавиш будто не касался,
аккордом каждым наслаждался,
щекой, губами приникал
к клавиатуре,
он что-то клавишам шептал,
казалось, Мастер привыкал
к роялю старческой натуры...

Рояль был стар и беспороден,
чуть увечен,
но инструмент был бесподобен
в этот вечер!
Такие *форте* и такие *пьяно*
дарил рояль нам и талант Папяна!

И пожилой рояль – служитель сцены –
испытывал неслыханный накал:
он трепетал пред гением Шопена
и мастерством Маэстро филигранным.
На смену *форте* приходило *пьяно*.
Звучат прелюдии, ноктюрн и полонез...
Я музыкой богат, как золотыми – Крез!
Я слышу гения.

Я вслушиваюсь снова,
и музыка вибрирует в душе
не нотами, а словом –
от этой музыки исходит дивный свет.
Он – гений музыки!
Шопен – её Поэт!

Звучит *фортиссимо* – апофеоз.
Прощается с роялем виртуоз.
Талант божественный
Папяну Богом дан.
Брависсимо, Маэстро Ваг Папян!

★ ★ ★

Когда-нибудь в сиреневом цвету,
в один из майских
звонких дней погожих
и я покой свой вечный обрету.
На скромную могильную плиту
друзья и близкие
по камешку положат.
Но эту жизнь стихи мои продолжат.
Мой дальний отпрыск
прочитать их сможет
и предка, может быть, не проклянёт
за то, что так наследство эфемерно,
и даже добрым словом помянёт,
свечу зажжёт,
кадиш прочтёт, наверно,
от дедовой могилы не спеша...
И, значит, не умрёт моя душа.
Душа поэта так неприхотлива.
Она сольётся с древнею оливой
и станет жить себе неторопливо
вдали от всех
мирских забот,
мирских утех...

О смерти думать –
то не смертный грех
и вовсе не опасная примета,
а норма – для художника, поэта.

